

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

ЭПИТЕТ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Охарактеризованы место эпитета среди смежных категорий и подходы к его определению, выявлены параметры классификации разновидностей эпитета: функция, семантика, способ номинации, морфологическая структура и др., проанализирована история вопроса.

Ключевые слова: эпитет, определение, тропы и фигуры, классификация.

Эпитет (от греч. *ἐπίθετος*, букв. «добавленное, приложенное», ср. рус. *прилагательное, приложение*) в узком понимании представляет собой уточняющее определение, подчиненное задаче художественного изображения объекта, его эмоционально-образной интерпретации. Роль образных определений велика в художественной, в частности поэтической речи, которая «без эпитетов становится бедной» [30, р. 134]. Соответственно, «эпитеты нельзя рассматривать как избыточное явление в языке» [3, с. 18]. Еще Пьер Фонтанье (1765 – 1844) отметил, что эпитет дает образную характеристику предмета, «украшает речь, делает ее более живой» [24, р. 324]. Этим образное определение отличается от логического, сугубо уточняющего, которое используется для родо-видового членения понятия, ср.: *береза – карельская, карликовая, каменная...* (логические определения); *белая, белоногая, раскидистая...* (эпитеты). Б.В. Томашевский поясняет: «Задача логического определения – индивидуализировать понятие или предмет, отличить его от подобных же понятий», эпитет же обозначает признак «не с целью различения, а с целью придачи слову особой стилистической окраски» [17, с. 200–201]. Логические определения и эпитеты противопоставлены только функционально, что исключает проведение между ними жестких границ. Иными словами, любое логическое определение, используемое в эстетической функции, может стать эпитетом, ср.: *мраморные колонны, статуи, вазы, палаты и В тени порфирных бань и мраморных палат Вельможи римские встречали свой закат* (А.С. Пушкин). Современное подразделение определений на украшающие и логические соотносится со средневековым противопоставлением определений «декоративных» (*epiteton ornans*) и «необходимых» (*epiteton necessarium*); в старинных европейских грамматиках эпитет определялся в противопоставлении прилагательному: «Эпитет – слово, обозначающее качество или титул в более орнаментальном стиле, чем прилагательное» [31, р. 43].

Известно, что «подбор эпитетов, их расстановка в предложении, их звуковая окраска, экономия или обилие в их употреблении – все это обусловлено литературной школой, эпохой, социальными корнями писателя, задачами, которые он себе ставит» [15, с. 204]. Эпитет как выразительное средство был известен уже в глубокой древности; так, у Гомера Ахиллу «присвоено 46 эпитетов, Одиссею – 45» [14, с. 71]. Активность использования эпитетов варьируется от эпохи к эпохе, от автора к автору.

Виды эпитетов чрезвычайно разнообразны. Что касается их упорядочения, а значит теоретического осмысления и классификации, то здесь следует согласиться с авторами изданного в 1979 г. словаря эпитетов в том, что «законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует» [6, с. 3]. Создать классификацию каких-либо объектов означает выявить систему параметров, по которым эти объекты могут быть подразделены. Подразделение эпитетов возможно по следующим параметрам.

По своей функции в создании образа эпитеты подразделяются на *образительные (черные скалы)* и *лирические (печальная звезда)*. Первые усиливают «картинность речи», вторые – ее эмоциональность [19, с. 37], поэтому именуются *эмоциональными*. Изобразительные эпитеты «выделяют в привычном понятии признак существенный, дотоле незаметный» и «переводят в сознание то, что скрывалось за его пределами» [7, с. 342]. Оба типа эпитетов отражают не ту реальность, «что она есть, а ту, что она есть для нас» [16, с. 63 – 64].

По способу номинации эпитетам с прямым значением (*желтый луч, зеленый лес*) противостоят два типа эпитетов с переносным значением: метафорические (*золотой луч*) и метонимические (*белый запах роз, зеленый шум* (Н.А. Некрасов)). Метонимические эпитеты образуются в результате использования приема, который именуется смещением (ср. *шум зеленого леса* → *зеленый шум*), поэтому метонимический эпитет называют смещенным. К числу тропов относятся только эпитеты с переносным значением. Приведем мнение Квинтилиана: «Главным украшением эпитета служит переносное значение: “необузданная страсть”, “безумные замыслы”. Путем прибавления этих новых качеств эпитет становится тропом» [1, с. 237]. Метафорические и метонимические эпитеты именуют тропеическими.

Некоторые ученые ограничивают состав эпитетов одним номинативным типом. В словаре А.П. Квятковского читаем: «Эпитет – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного» [9, с. 359]. Такую же картину наблюдаем в словаре С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой, где эпитет как «образное определение, обычно выражаемое прилагательным-метафорой» считается видом тропов [12, с. 154, 155, 138], в пособии М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнева, где эпитет отнесен к «тропам метафорической группы» [10, с. 132].

По семантическому параметру выделяют эпитеты цветные (*лазурное небо*), оценочные (*золотой век*), а также эпитеты, дающие психологическую, поведенческую, портретную характеристику лица либо характеризующие объекты по форме, размеру, температуре и т.д. (именно так сгруппированы эпитеты в словаре К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло). Усилению подобных признаков служит функциональный класс эпитетов, суть которых «состоит в амплификации значения определяемого имени посредством повторения в определяющем основного признака определяемого» [11, с. 218]: *белый снег, голубое море*. Такой признак обязательно входит в соответствующее понятие [7, с. 340], поэтому эпитеты данного типа именуют тавтологическими, или плеонастическими. Они «выделяет идеальный типовой признак предмета, не внося ничего нового в содержание определяемого понятия» [8, с. 360]. Поскольку эпитеты этого класса «усиливают, подчеркивают какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [5, с. 59], т.е. служат актуализации признака, их логичнее назвать либо усилительными, либо, вслед за Г. Лаусбергом, эмфатическими [27, р. 304], тавтологическими же целесообразно именовать эпитеты, эмфатически повторяющие корень опорного слова: *Ох ты, горе горькое! Скука скучная, Смертная!* (А. Блок).

В рамках структурной классификации принято выделять эпитеты простые (*дремучий лес*) и сложные, представленные полиосновными прилагательными: *пшенично-желтые усы, угольно-черная борода, черногривый конь, Москва златоглавая, чуждедальняя сторона*. Сложный эпитет, «подобно тому как метафора есть краткое сравнение, представляет собой краткую дескрипцию» [29, р. 14]. Сверхсложные эпитеты используются в игровых целях, а также как прием иконической номинации: змея *двухметроворостая* (В. Маяковский; изображена длина змеи).

По степени освоенности эпитеты подразделяются на общеязыковые и индивидуально-авторские. Признаками общеязыковых являются воспроизводимость и частотность: *белая береза, лазурное море, черногривый конь*. Индивидуально-авторские эпитеты представляют собой, по В.М. Жирмунскому, «новые и индивидуальные определения» [8, с. 259 – 360]: *колючие звезды* (К. Паустовский), *нецензурная погода* (А.П. Чехов).

По степени устойчивости связи с определяемым словом эпитеты можно подразделить на свободные (*белоснежная скатерть, синие глаза*) и постоянные, образующие с определяемым словом «фразеологическое клише» (В.М. Жирмунский): *туманный Альбион, светлое будущее*. Иногда постоянные эпитеты определяют как «часто употребляемые традиционные эпитеты» [18, с. 171]. Однако по признаку частотности использования эпитеты следует подразделять на общеязыковые и индивидуально-авторские.

Одним из источников постоянных эпитетов является амплиация (лат. *amplio* «распространяю») – фигура, состоящая в прибавлении прозвищного определения к имени собственному. Амплиация «всегда предполагает ту или иную мотивировку» [21, р. 689]: *Существует древний философ, имя которого Гераклит, а обычный эпитет «темный». Гераклит «темен», потому что он говорил главным образом о противоречиях. Гераклит «темен» и потому, что он сохранился только в отрывках и неточных цитатах* (В. Шкловский). Эпитеты, присоединяемые к именам правителей, именуют историческими: *Н.Н. Муравьев-Амурский, Ярополк Окаянный*.

Отличительная особенность постоянного эпитета – алогизм некоторых его употреблений, на что указывают А.Н. Веселовский, Ф. Миклошич, И.В. Шталь, В.Б. Шкловский; в этом случае значение эпитета расходится с реальностью. Такой алогизм может носить игровой характер. Так, в одном теле-репортаже говорилось о *желтых водах голубого Дуная*; о нашкодившем африканце сказано: *Взяли его под белые руки и из ресторана вывели*. Нарочито алогичен и контрастный эпитет – определение, в основе которого лежит оксюморон: *вечное мгновенье* (А. Блок), *веселая тоска* (С. Есенин).

Эпитет может быть употреблен без определяемого слова, такое употребление именуется антонимасией: *Бужу я память о Дзуликом / В сердцах молящихся людей* (А. Блок), ср. *дзуликий дьявол*. Квинтилиан определяет этот прием как «эпитет, который после устранения определяемого слова получает значение имени» [1, с. 236]: *серый* (о волке), *косой* (о зайце); такая замена приводит к субстантивации прилагательного.

При стилистическом подразделении выделяют эпитеты разговорные (*цветастая радуга*), газетные (*прогнивший режим*). Большая часть эпитетов составляет принадлежность художественной речи (речи книжной), следовательно, имеет книжный оттенок; вероятно, именно поэтому их использование считается «приметой возвышенного стиля» [23, р. 171]. Среди книжных отметим поэтические эпитеты (*легкокрылые мечты*). По мнению Квинтилиана, «эпитеты в прозе, если они ничего не добавляют к значению, избыточны», поэтому «используются в поэзии с большею частотой и свободой, чем в прозе» [30, р. 134]. В художественной речи встречаются народно-поэтические эпитеты – определения фольклорного происхождения, освоенные литературным языком (*красна девица, гусли звончатые*). Фольклорные эпитеты стоят за пределами литературного языка: *камышочки троеразные, рожь ужинистая*. Приметами народно-поэтического и фольклорного эпитета считаются употребление краткой формы в функции согласованного определения (*бел-горюч камень, пережатное красно солнышко, красна девка*), сдвиг ударения (*сердце ретивое, чара зеленá вина*), отличные от общезыковых значения и лексическая сочетаемость: *белая заря, головушка победная, пташечка плакучая* (о кукушке).

Эпитеты поддаются и позиционной классификации. Дело в том, что при их использовании регулярно применяется гипербатон (греч. *ὑπερβατον* «перестановка») – фигура акцентирования, состоящая в разделении связанных по смыслу слов, нередко в сочетании с инверсией и выносом одного из слов в сильную позицию фразы. В стихотворной речи гипербатон используется как прием метрической вольности. Видом этого приема является задержка эпитета: *Над ним луч солнца золотой* (М.Ю. Лермонтов). Гипербатон выражает «сильное движение души» [23, р. 214], однако сопутствующее ему «смешение слов» «ведет к неясности» [27, р. 319], синхизису (греч. *σύνχισις* «путаница») – путаному порядку слов, приводящему к неясности или двусмысленности речи. Б.М. Эйхенбаум отмечает «случаи запутанного, затрудненного синтаксиса» в стихах М.Ю. Лермонтова:

Ты воспрять пошли к ложу печальному

Лучшего ангела душу прекрасную.

Вернем этой фразе прямой порядок слов: «Ты пошли лучшего ангела к печальному ложу воспрять прекрасную душу» [20, с. 97].

Рассмотрим возможности количественной характеристики эпитетов. Сквозной эпитет повторяется при нескольких опорных словах: *Застенчивый укор | застенчивых лугов, | застенчивая дрожь | застенчивейших роц...* (А. Вознесенский). Ряд образных определений, «дополняющих друг

друга» [5, с. 69] и дающих «разностороннюю характеристику» [25, р. 161] одного объекта, образуют цепочку эпитетов: *золотистые ароматные сосны* (В. Кожевников). Цепочку эпитетов, состоящую из двух единиц («парные эпитеты»), иногда именуют вилкой: *Луны не было на небе, но и без нее каждый предмет четко виднелся в полусветлом, бестенном сумраке* (И.С. Тургенев). «Я заметил, – отмечает Л. Озеров, – что эпитеты имеют обычай сбиваться в кучу, особенно часто в тройки; тройчатки эпитетов (ср. у Г. Лаусберга: «трио эпитетов». – В.М.). Редко они бывают полноценны, часто один ведет за собой другой и третий. Но дела всем троим не находится. Эпитет – не артельное понятие. Он – солист» [13, с. 385]. Этому же мнению придерживался и А. Блок. Вот что он писал о стихах одного молодого поэта: «И невозможно нагромождать эпитеты: “осенний бледный тихий день”» [4, с. 158]. Однако сам Блок может выстроить цепочку и из четырех эпитетов:

*Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!*

Цепочки определений, подобные рассмотренным выше, создаются в результате применения приема, который называется нанизыванием эпитетов. На этой фигуре, частном случае амплификации, основан эпитетный стиль (англ. *epithetical style*):

ВСЕ КРУГОМ

*Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное...*

(З. Гиппиус)

На нагнетании эпитетов и перифраз основана с и с т р о ф а (греч. *συστροφή* «накручивание»), также представляющая собой вид амплификации. На этой фигуре построена знаменитая ода Г.Р. Державина «Бог».

Еще один способ сократить ряд эпитетов – замена одного из них однокоренным абстрактным существительным; данный прием называется отвлечением эпитета, ср.: *холодные бледные осенние облака* и *холодность бледная осенних облаков* (К. Бальмонт).

Выше шла речь об эпитетах в узком понимании этого термина – как о красочных прилагательных, «оттенивающих существительное» (П.А. Вяземский). При широком понимании в разряд эпитетов попадают наречия (пример из «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского: *непостижимо тайное провидение*, ср.: *непостижимое провидение*), имена существительные (*волишебница-зима*) и даже деепричастия (*Волны несутся, время и сверкая*). Сосуществование столь различных трактовок приводит к тому, что и в лингвистике, и в литературоведении «понятие “эпитет” является в высшей степени зыбким и неустойчивым» [8, с. 355]. Узкого понимания эпитетов придерживаются такие ученые, как П. Фонтанье, Б. Дюприе, А.Н. Веселовский, К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло, А.П. Евгеньева, В.М. Жирмунский, А.П. Квятковский; различных вариантов широкого – Г. Лаусберг, Л.А. Булаховский, Б.В. Томашевский. Широкая трактовка эпитетов характерна для германистов (И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев и др.), что представляется логичным, поскольку в английском языке прилагательные не вполне четко противопоставлены по своим морфологическим признакам словам иной частеречной принадлежности; в этом языке распространены и ф р а з о в ы е э п и т е т ы – предложения или словосочетания, «графически, интонационно и синтаксически уподобленные слову», например: *I-am-not-that-kind-of-girl look* [2, с. 92]. Именно поэтому здесь становится возможным определять эпитет как «прилагательное или фразу, дающие характеристику лица или предмета» [28, р. 385]. Оба подхода имеют длительную традицию. Для русского языка более целесообразно узкое понимание, поскольку эпитеты подчинены обозначению признаков, а именно для их номинации предназначены в нашем языке прилагательные. Заметим, что в испанском языке, как и в русском, прилагательные четко противопоставлены по своим морфологическим признакам словам иной частеречной принадлежности, отсюда – доминирующая в испанистике узкая трактовка эпитета как «характеризующего прилагательного» [22, р. 165]. Такую же картину

наблюдаем и в латинском языке, применительно к системе которого эпитет определяется следующим образом: «Эпитет – это прилагательное, изящно присоединенное к существительному с целью выразить какие-либо особые обстоятельства» [26, p. 337].

Литература

1. Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
3. Базилина Н.М. О некоторых приемах использования эпитета в художественной литературе // Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 63. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971.
4. Блок А. О лирике // Собрание сочинений : в 8 т. М., 1960. Т. 5.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
6. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
7. Горнфельд А.Г. Эпитет // Вопросы теории и психологии творчества. 2-е изд. Харьков, 1911. Т. 1.
8. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
9. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
10. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1969.
11. Лободанов А.П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3.
12. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996.
13. Озеров Л.А. Мастерство и волшебство: книга статей. М., 1972.
14. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982.
15. Рыбникова М.А. Введение в стилистику. М., 1937.
16. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.
17. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
18. Ухов П.Д. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации создания образа // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958.
19. Шалыгин А. Теория словесности. Петербург, 1916.
20. Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Петербург, 1922.
21. Bullinger E.W. Figures of Speech Used in The Bible. London, 1898.
22. Carreter L.F. Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1981.
23. Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991.
24. Fontanier P. Les Figures du discours / éd. G. Genette. Paris, 1968.
25. Galperin I.R. Stylistics. M., 1977.
26. Grant J. Institutes of Latin grammar. London, 1823.
27. Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study. Leiden, 1998.
28. Merriam-Webster's encyclopedia of literature / ed. K. Kuiper. N.Y., 1995.
29. Pope A. Preface to his Translation of Homer's Iliad // The Iliad of Homer, translated by Mr. Pope. London, 1715. Vol. 1.
30. Quintilianus M.F. Institutes of oratory: or, Education of an orator. London, 1856.
31. Rowbotham H.J. A new derivative and etymological dictionary of such English works as have their origin in the Greek and Latin language. London, 1838.

Epithet as the subject of theoretical comprehension

There is characterized the place of an epithet among the closely-related categories and the approaches to its definition, found out the parameters of classification of epithet varieties: function, semantics, nomination way, morphological structure and others, analyzed the origin of the issue.

Key words: *epithet, definition, tropes and figures, classification.*